

Бернар

Вербер

Дыхание богов

Создать цивилизацию
проще, чем спасти

Бесконечная Вселенная Бернара Вербера

Бернар Вербер
Дыхание богов

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

Вербер Б.

Дыхание богов / Б. Вербер — «Эксмо», 2005 — (Бесконечная Вселенная Бернара Вербера)

ISBN 978-5-04-254564-1

Вторая часть «Божественной трилогии» Смертному, ставшему богом-учеником предстоит найти ответ на вопрос: «Что лежит в основе божественности?» Что делают боги, глядя на смертных? Какое у них поле для маневра? Судят ли они нас? Помогают ли они нам? Любят ли они нас? Новоиспеченное божество создает свою цивилизацию и ведет ее через войны и пророчества. На этом пути, полном препятствий и разочарований, ему придется взойти на самую вершину Олимпа и открыть секрет истинной власти. Ироничный затейник Бернар Вербер с неподражаемой смелостью вновь задает вопросы о самой сути бытия. Здесь боги-ученики, при жизни бывшие знаменитостями, под надзором олимпийских богов продолжают творить историю, которая с головокружительными зигзагами отражает историю человечества с первобытных времен до наших дней. Аркадий Кабалкин, переводчик

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-254564-1

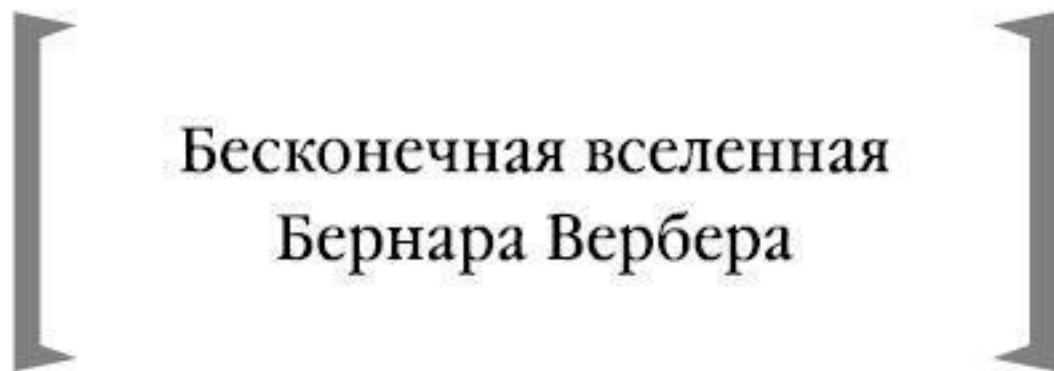
© Вербер Б., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

Предисловие	6
1. Око в небе	7
2. Энциклопедия: воспринять	9
«Красный период»	10
3. Девять храмов	10
4. Энциклопедия: музы	12
5. Девять дворцов	13
6. Энциклопедия: самадхи	16
7. Смертные. 14 лет	17
8. Энциклопедия: видение	22
9. Сон о дереве	23
10. Мифология: Сизиф	25
11. О значении городов	26
12. Энциклопедия: письменность	35
13. Время городов. Крысы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Бернар Вербер Дыхание богов

Посвящается Мюриель

Серия «Бесконечная Вселенная Бернара Вербера»

Bernard Werber

Le Souffle des Dieux

© Éditions Albin Michel – Paris, 2005

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского *Аркадия Кабалкина*

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие

«Что бы вы делали, будь вы Богом?»

Из этого вопроса родился замысел «цикла о богах».

Со времени зарождения религий человек думает о божественном в двух категориях: «верю» и «не верю».

Мне казалось интересным поставить вопрос по-другому, чтобы найти другие ответы. Возьмем гипотезу, что Он или Они существуют, и попробуем понять, какими они представляют нас, простых смертных. Какое у них поле для маневра? Судят ли они нас? Помогают ли они нам? Любят ли они нас? Каковы их намерения в отношении нас?

Чтобы лучше во всем разобраться, я придумал школу богов, где тех учат быть ответственными и лучше справляться с их задачами.

Мы по-новому увидим нашу историю, иначе взглянем на собственное будущее, на нашу миссию как вида, на богов и их задачи, стоит только вообразить, какими они видят нас, а не мы их.

Из романа «Мы, боги» можно узнать, как боги учились быть богами. Всего их было 144, и каждому поручили следить за народом, что зародился и развивался на некоей планете, очень похожей на Землю: там тоже победитель забирал все, а проигравший оставался ни с чем.

В «Дыхании богов» около половины нерадивых богов-учеников уже отсеяны. Выжившие начинают понимать, как им совершенствоваться в своем мастерстве.

Мне бы хотелось, чтобы вы мысленно перенеслись туда, в Эден, откуда можно наблюдать за людскими судьбами, и попробовали бы отыскать ваши собственные ответы.

Если бы вы могли управлять человеческой общностью, схожей с нашей, в мире, схожем с нашим, то какие решения вы бы принимали, чем бы вы отличались от других богов? Творили бы вы чудеса? Прибегали бы к помощи пророков? Развязывали бы войны? Предоставляли бы своим подопечным свободу воли? Какие мольбы хотели бы вы слышать от своих подопечных?

Бернар Вербер

– Но тогда, – сказала Алиса, – если в мире все бессмысленно, что мешает выдумать какой-нибудь смысл?

Льюис Кэрролл

...И тогда Вселенную качал бы танец трех великих трансцендентных сил:

A – силы Ассоциации, Сложения, Любви;

D – силы Доминирования, Разделения, Разрушения;

N – силы Нейтральности, Нуля, Непреднамеренности;

A, D, N, ДНК.

Это – игра втроем, начавшаяся с Большого взрыва в трех изначальных частицах: положительной – протоне, отрицательной – электроны, нейтральной – нейтроне.

Игра, продолжившаяся в молекулах. Игра, продолжающаяся в человеческих сообществах. Игра, что продолжится и на том свете...

Эдмонд Уэллс

В чем разница между Богом и хирургом? Ответ: Бог, по крайней мере, не мнит себя хирургом.

Фредди Мейер

1. Око в небе

– ОНО смотрит на нас.

Мы растеряны, ошеломлены, у нас перехватывает дыхание.

Это Око, оно огромное, просто колоссальное, оно расталкивает облака и заслоняет солнце.

Мои спутники застыли.

У меня отчаянно колотится сердце.

– Неужто это...

Гигантское Око плывет в небе, словно наблюдая за нами, а потом исчезает, словно его и не было. Обширное плато вокруг нас, все в красных маках, оставшееся без этого сокрушительного присутствия, выглядит вмиг осиротевшим.

Мы не смеем сказать друг другу ни слова, не рискуем обмениваться взглядами.

– Что, если это был ОН?

Многие века миллиарды людей надеялись узреть хотя бы ЕГО тень, тень ЕГО тени, отражение тени ЕГО тени. Нам же ОН, выходит, позволил узреть СВОЕ Око?

Если напрячь память, то похоже, что зрачок Ока, непостижимый черный тоннель, даже слегка сжался, как будто по-другому не разглядел бы нас, таких крохотных созданий.

Совсем как человеческий глаз, приглядывающийся к муравьям.

Мэрилин Монро валится на колени. У Маты Хари приступ кашля. Фредди Мейер растянулся на траве, как будто его больше не держат ноги. Рауль до крови кусает себе губы. Гюстав Эйфель стоит не шевелясь, устремив взгляд вдаль. Жорж Мельес нервно моргает. Некоторые из нас прослезились. И все это – молча.

– Эта радужка... – бормочет Гюстав Эйфель. – Добрый километр в диаметре!

– Там один зрачок метров в сто! – подхватывает впечатлительная Мэрилин Монро.

– Этот глаз принадлежит невероятному великану! – подытоживает Мата Хари.

– Зевсу?.. – предполагает Гюстав Эйфель.

– Либо Зевсу, либо Великому Архитектору, либо Богу Богов, – говорит Фредди Мейер.

– Творцу... – выдавливает Жорж Мельес.

Я безжалостно щиплю себя, остальные – тоже.

– Это был коллективный сон. Хотели вообразить Создателя там, на горе, – вот и получили коллективную галлюцинацию, – рубит с плеча мой друг Рауль Разорбак.

– Он прав, ничего не произошло, – вторит ему Гюстав Эйфель, растирая себе виски.

Я закрываю глаза, чтобы отдохнуть от всего этого хотя бы секунду-другую. Устраиваю себе антракт.

Надо сказать, с момента прибытия в Эден¹ я только и делаю, что постоянно удивляюсь. Стоило мне опуститься на твердую землю – сразу началось. Я и охнуть не успел, как наткнулся на человека в смертельной агонии, в котором узнал писателя Жюль Верна, и услышал от него предостережение, произнесенное полным ужаса голосом: «Что бы ни случилось, главное, не ходите наверх». И он указал дрожащим пальцем на высокую гору в центре острова, вершину которой скрывали плотные облака. Указал – и от отчаяния бросился вниз со скалы.

После этого все вдруг резко ускорилося. Меня похитил кентавр и привез в город Олимпию, вылитую Грецию античных времен. Там я узнал, что перешел от стадии Ангела, шестой по счету, на следующую стадию развития сознания, 7-ю, и называюсь теперь «богом-учеником». Мне предстояло пройти специальное обучение в школе богов.

---

¹ Начало событий изложено в первом романе цикла «Мы, боги». – Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.

Уроки здесь ведут двенадцать богов древнегреческого пантеона, и каждый помогает нам совершенствоваться в его области знаний. В качестве экспериментальной площадки нам предоставили планету, во всем схожую с нашей родной Землей, Землю–18.

Гефест научил нас создавать там минералы, Посейдон – растительность, Арес – животных. Наконец, Гермес раздал всем нам по народу и поручил добиваться, чтобы наши люди развивались и заселяли Землю–18. «Вы подобны пастухам, погоняющим свои стада», – объявил он нам. Разница в том, что в случае гибели стада его пастуха тоже ждет смерть.

Все потому, что в Эдене действует непреложный закон: мы, боги, неразрывно связаны с судьбой вверенных нам народов. Богиня правосудия Афина высказалась однозначно: «В начале вас, богов-учеников, сто сорок четыре. В конце останется только один».

Чтобы отличать народы друг от друга, каждый из нас назначил своему животное-тотем. Мой друг Эдмонд Уэллс назвал свой народ «муравьями», Мэрилин Монро стала богиней «ос», Рауль – богом «орлов», мой народ – «дельфины».

Как будто мало нам стресса от этой странной учебы и от нашего причудливого соревнования, нам приходится переживать еще по другим поводам. Один из учеников, видимо от нетерпения оказаться победителем, покусился на жизнь одного из своих конкурентов. Его назвали «богоубийцей», и до сих пор никто не знал, кто он.

Потом Раулю взбрело в голову нарушить категорический запрет, покинуть Олимпию после десяти часов вечера и вскарабкаться на гору, чтобы выяснить, что это там время от времени светит с ее вершины. Так мы превратились в альпинистов. И вот узрели в небе гигантское Око...

– Нам конец, – бормочу я.

– Нет. Ничего не случилось. Никакого гигантского глаза в небе не было. Всем нам принился сон, – гнет свое Мэрилин Монро.

Стук копыт возвращает нас к действительности, полной опасностей. Нельзя терять ни секунды. Мы прячемся среди высоких пунцовых маков.

2. Энциклопедия: воспринять

С точки зрения философа Эммануэля Левинаса, труд всякого творческого человека состоит из трех этапов:

Воспринять,
Отпраздновать,
Передать.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, т. V

«Красный период»

3. Девять храмов

Кентавры – местная служба охраны порядка. Справа от нас появляется стадо из двух десятков этих химер с лошадиным туловищем и мужским торсом. Вероятно, это отряд разведчиков. Они рысью спускаются по склону, дробно стуча копытами, одни сложили руки на груди, другие хлещут вокруг себя длинными ветками – ищут в зарослях беглых богов-учеников.

Они въезжают в алое поле цветов, доходящих им почти до живота. Мы наблюдаем за ними издали, опасливо высовываясь из маков. Под этим углом кентавры похожи на уток, плывущих по кроваво-красному озеру.

Они приближаются к нам, уж не учуяли ли они нас? Мы едва успеваем распластаться на земле. На наше счастье, маки растут густо-густо, их красные венчики образуют крышу, мы дрожим под ней, надеясь, что нас не заметят.

Кентавры чуть не задевают нас копытами. Внезапно в небе появляется прореха, из нее на нас обрушивается проливной дождь. Из-за ливня кентавры начинают нервничать. Некоторые из них встают на дыбы, как будто их лошадиная часть не выносит наэлектризованного воздуха. Они сбиваются в кучу, о чем-то совещаются, по их бородам струится вода. Внезапно они решают прервать поиски.

Мы еще долго лежим не шевелясь. Черные тучи понемногу рассеиваются, от выглянувшего солнца капли воды на листьях сверкают, как звездочки. Мы выпрямляемся, кентавров и след простыл.

– Чуть было не попались, – переводит дух Мата Хари.

Мэрилин Монро вспоминает наш боевой клич, он придает ей смелости:

– Любовь – меч, юмор – щит!

Фредди Мейер заключает ее в объятия.

Тут посреди поля алых маков появляется светловолосая стройная девушка, она весело смеется. Ее окружают восемь девочек, похожих на нее. При виде нас все они сначала таращат глаза, потом презрительно хмыкают и разбегаются в разные стороны.

Мы переглядываемся, и все как один, словно желая поскорее забыть случившееся только что, пускаемся за ними в погоню.

Мы несемся среди маков, их стебли так высоки и упруги, что больно хлещут нас по коленям. Мы уже больше не вспоминаем про колоссальное Око, как если бы информацию такого рода невозможно было переварить и тем более сохранить. Не было в небе никакого глаза, это была всего-навсего коллективная галлюцинация.

Далеко впереди поверх цветов едва виднеются белые головки девчонок, их волосы, кажется, струятся по морю из маков.

Мы выбегаем на широкую лужайку и видим девять маленьких ярко-красных храмов. Девчонки как сквозь землю провалились.

– Очередное колдовство Эдена! – переживает Фредди Мейер.

Красные храмы похожи на миниатюрные дворцы с куполообразными крышами, их фасады из красного мрамора покрыты резными барельефами и фресками, двери распахнуты.

Мы мнемся на пороге ближнего к нам дворца, потом Мата Хари заходит внутрь, я следую за ней. В зале никого нет, здесь царит неопишуемый хаос, всюду громоздятся предметы, связанные с искусством живописи: мольберты, незаконченные полотна, картины насыщенных цветов, на всех них изображено маковое поле под двумя солнцами, а на заднем плане виднеется гора.

Мы обмениваемся мнениями об увиденном. Из другого дворца доносится негромкая завораживающая музыка. Мы идем на звук и вместе входим во второй дворец, где натываемся на музыкальные инструменты всевозможных эпох и стран: ситар, тамтам, орган, скрипку. Тут же рассыпаны нотные листы.

– В путешествиях танатонавтов, – вспоминает Фредди Мейер, – за черной зоной страха шла красная зона удовольствия...

Мы решаем побывать в еще одном маленьком храме из красного мрамора. Там мы видим телескоп, компасы, карты, приборы для измерений неба и земли. Снаружи до нас опять доносится девичий смех.

– Кажется, я знаю, где мы... – говорит Жорж Мельес.

4. Энциклопедия: музы

«Муза» означает по-гречески «вихрь». Девяти дочерям Зевса и нимфы Мнемозины (богини памяти) было предназначено стать нимфами источников, рек и ручьев. Говорили, что поэты, испив из них воды, принимались петь. Однако предназначение нимф изменилось. Утешив страждущих, они стали вдохновлять и других творцов, чем бы те ни занимались. Их обиталищем были горы Геликон в Беотии. У музыкантов и писателей вошло в привычку освежаться в фонтанах поблизости от прибежища муз. Тогда они распределили роли: каждая стала покровительствовать одному из искусств:

- Каллиопа – за эпическую поэзию,
- Клио – за историю,
- Эрато – за поэзию,
- Эвтерпа – за музыку,
- Мельпомена – за театр трагедии,
- Полигимния – за торжественные гимны,
- Терпсихора – за танец,
- Талия – за комический театр,
- Урания – за астрономию и геометрию.

Когда девять дочерей Пиера, Пиериды, вызвали муз на соревнование, музы победили и в наказание превратили дерзких соперниц в воронов.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том V

5. Девять дворцов

От порывов ветра пурпурная пена маковых венчиков ходит волнами.

Ко мне подходит самая миниатюрная из девушек, ей не больше восемнадцати лет. На голове у нее венок из плюща, правой рукой она держит у лица маску – удивленную рожицу. Она медленно убирает маску, и я вижу мордашку синеглазой шалуньи. Она с вызовом смотрит на меня, потом улыбается.

Не успеваю я шелохнуться, как она подсказывает ко мне и чмокает в лоб. Я в мгновение ока попадаю в театр, в первый ряд, на сцене разыгрывается такой сюжет: инопланетяне посадили двоих людей, мужчину и женщину, в клетку. Те понемногу начинают соображать, куда угодили и почему. Их родная Земля исчезла, и если они не совокупятся, то всему человечеству придет конец. Им предстоит решить, стоит ли длить этот эксперимент под названием «человечество». Эти двое, поневоле ставшие подопытными кроликами, постепенно поймут, что инопланетяне хотят вывести с их помощью небольшое поголовье людишек своим детям на потеху. Отсюда вопрос: зачем длить существование людей?

Я открываю глаза. Это был всего лишь сон. Девушка довольно улыбается мне. Вероятно, это муза театра, но которая из двух: Мельпомена, муза трагедии, или Талия, муза комедии? Ее маска, изображающая вопрос, не содержит ответа. Если подумать, то это, вероятно, Талия, ибо театрализованный суд над человечеством показался мне скорее смешным, чем грустным. Да и кончился он хорошо.

Я достаю из котомки свою «Энциклопедию относительного и абсолютного знания», наследие моего незабвенного учителя Эдмонда Уэллса, и записываю на пустых страницах свое впечатление от спектакля. Муза опять целует меня в лоб.

У меня в голове возникают три фразы:

Говори о том, что знаешь.

Показывай, а не объясняй.

Подсказывай, а не показывай.

Я мотаю на ус этот совет.

Мои спутники тоже не бездельничают. Жоржем Мельесом завладела муза эпической поэзии Каллиопа. Муза религиозных гимнов Полигимния пленила Фредди Мейера. Муза танца Терпсихора взялась за Мэрилин Монро. С Матой Хари нежно воркует муза лирической поэзии Эрато. Муза Рауля – Мельпомена, отвечающая за драму.

Талия увлекает меня в свой чертог из красного мрамора. Я следую за ней до спальни с огромным ложем под балдахином на золоченых колоннах, на них водружены итальянские маски из комедии дель арте.

Со сцены, обрамленной пурпурным бархатным занавесом, она разыгрывает передо мной, передо мной одним, пантомиму: вот счастье, вот горе, вот трагедия, переходящая в ликование. Глаза ее сначала полны слез, потом сужаются, потом сияют радостью. Я награждаю ее аплодисментами.

Она низко кланяется, прыгивает со сцены, запирает дверь спальни на ключ, сует ключ под кровать, возвращается и прижимается ко мне.

В своей последней жизни смертного я никогда всерьез не интересовался театром. Из-за необходимости выкупать места заранее, да еще втридорога, я отдавал предпочтение кинематографу.

Талия опять целует меня в лоб, и во мне просыпается драматург. Я сажусь за стол и усердно строчу.

Сочинять диалоги – какая это радость! Сплетается интрига. Все складывается один к одному.

Талия гладит меня по руке, и меня омывает волна свежести. Все так естественно! У меня такое впечатление, будто мои персонажи живут сами по себе, произносят свои, а не мои слова. Я ничего не придумываю, просто описываю то, что вижу. Никогда еще я не знал этого ощущения свободного творчества. Наконец-то я превратился в божка, владыку некоего мирка, правила которого подвластны только ему, ведь это он его создал. Меня посещает новая мысль. Вот полезный совет: «Не хотите подчиняться будущему – создайте его сами». Я вдруг осознаю, что пока не сел за эту пьесу, судьбы других людей ни разу еще не оказывались в моих руках.

Я расцеловываю мою музу в обе щеки, так я ей благодарен... Талия читает поверх моего плеча, одобряет прочитанное и привлекает мое внимание к миниатюрному театру на комодке. Она переставляет фигурки, предлагая мне вариант мизансцены. Это намек, что мне следует подумать и об этом. Вот персонажи дерутся, вот обнимаются, вот гонятся друг за другом, вот крутятся, как белки в колесе.

Талия встряхивает светлыми локонами, я вдыхаю аромат ее духов, она потчует меня красным, настоящим на маках гидромелем, чтобы придать мне сил.

Все, чего мне теперь хочется, и это меня поражает, – поселиться в этом красном чертоге в обществе моей музы и посвятить себя драматургии. Дотрагиваться до Талии, слышать ее смех, видеть и слышать полный зал – вот о чем я теперь грежу. Неужели я, так и не познав утешения в одном, теперь хочу другого? Что мне власть над миром – хочу быть владыкой над актерами. Афродита, говорите? Я предпочту Талию. У музы театра есть преимущество перед богиней любви: от нашего с ней союза рождается произведение, превосходящее нас, то самое $1 + 1 = 3$, столь ценное для моего учителя Эдмонда Уэллса. Я пишу, и мне кажется, что я слышу смех сотен зрителей. Талия целует меня.

Но наши объятия прерывают не овации, а треск двери, в которую врзается плечом Фредди. Он хватает меня, пытается вытолкать наружу и в конце концов силой выволакивает меня из дворца.

– Оставь меня в покое! Что на тебя нашло?

Бывший раввин трясет меня изо всех сил.

– Ты не понял? Это ловушка!

Я изумленно таращусь на него.

– Помнишь, как мы пересекали красные земли на континенте мертвых? Тогда нас тоже соблазняли, хотели сбить с пути. Если ты здесь останешься, с твоим народом дельфинов будет покончено, про восхождение на Олимп можно будет забыть. Ты сам станешь химерой, как все проигравшие. Очнись, Мишель!

– Не понимаю, о какой опасности ты говоришь.

– Ты станешь просто мушкой, севшей на липучку, ты уже отсюда не выберешься!

Его слова доносятся до меня откуда-то издалека. Талия стоит в дверях своего дворца, нежная, манящая.

– Вспомни Афродиту, – добавляет Рауль.

Он будто пытается вытравить один яд другим.

На прощание Талия покорно машет мне рукой. Я говорю ей просто:

– Спасибо. Когда-нибудь я напишу пьесу, на которую ты меня вдохновила. И много других пьес.

Теонавты собираются перед дворцами. Наши музы оставили попытки соблазнить нас.

Мы переглядываемся. До чего странная команда! Мата Хари, бывшая шпионка и моя спасительница, американская кинозвезда Мэрилин Монро, слепой раввин Фредди Мейер – здесь он прозрел, фокусник-авангардист Жорж Мельес, изобретатель спецэффектов в кинема-

тографе, архитектор Гюстав Эйфель, укротитель металла, и Рауль Разорбак, неумный исследователь континента мертвых.

– Что ж, все позади, – говорит Мата Хари, как будто ставит точку в нашем приключении с музами.

Мы удаляемся от замысловатых построек из красного мрамора, расставаясь с нашими творческими устремлениями.

Раньше я не размышлял о власти искусства, но теперь обнаружил в себе театральную жилку, и передо мной открылись новые горизонты.

Оказывается, мне под силу вдохнуть жизнь в искусственный мирок, который я сам создал из чего попало.

6. Энциклопедия: самадхи

В буддизме существует понятие самадхи. Обыкновенно наши мысли разбегаются в разные стороны. Мы забываем, чем только что занимались, задумавшись о событиях вчерашнего дня или принявшись строить планы на завтра. В состоянии же самадхи человек, полностью сосредоточенный на настоящем, становится властелином собственной души. Слово «самадхи» можно перевести с санскрита как «состояние твердой закреплённости».

При состоянии самадхи чувства ничего не значат. Человек оторван от материального мира и от всех установок, у него остается единственная мотивация: бодрствование (нирвана).

Оно достигается в три приема:

– первый – «самадхи без образа». Надо представить свое сознание как безоблачное небо. Облака – черные, серые, золотистые – это наши мысли, заслоняющие небосвод. Надо гнать их по одной по мере появления, пока небо не станет совершенно ясным;

– второй – «самадхи без направления». Человек понимает, что пути, по которому ему хотелось бы пойти, просто не существует, у него не остается предпочтений. Человек представляет себя лежащим на плоскости шаром, который вопреки своей форме и функции никуда не катится;

– наконец, третий – «самадхи пустоты», состояние полного безразличия, когда нет ни хорошего, ни плохого, ни приятного, ни неприятного, ни прошлого, ни будущего, ни близкого, ни далекого. Все одинаково, все похоже, а значит, нет никакого смысла относиться определенным образом к чему бы то ни было.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том V

7. Смертные. 14 лет

Город Олимпия, столица острова Эден, наслаждается ночной свежестью. Сверчки воспевают бесконечное лето, светлячки пляшут вокруг трех лун. Пахнет мускусом – значит, растения уже алчут утренней росы.

Я возвращаюсь к себе на виллу, по-прежнему очарованный музыкой Талией. Творить рядом с вдохновляющей тебя женщиной – это новый для меня опыт, воистину пленительный.

Я нахожу отдохновение в ванне, где смываю с тела всю внешнюю грязь, через такое же очищение проходит и мой дух. На этом острове со мной происходит столько всего потрясающего, что приходится регулярно устраивать себе полную очистку. Я страшился кентавров, сирен, Левиафана, грифонов, гигантского Ока, выплывшего из пустоты, – но чары юной художницы оказались еще страшнее.

Я вытираюсь, надеваю чистую тогу и, растянувшись на диване, возвращаюсь к одному из любимейших моих занятий: слежу по телевизору за бывшими клиентами.

На первом канале красуется маленькая кореянка, 14-летняя жительница Японии. Она постигает в школе искусство манги – японских комиксов, в которых действуют свои правила. Для лиц, действий, движений в ней существуют четкие стандарты. Глаза должны быть большими и круглыми, чудовища страшными, эротизм ненавязчивым (слишком откровенным быть нельзя). Преподаватели хвалят Юнь Би за ее способности в области колористики и рисования. Она, конечно, остается во власти печали, но, рисуя, чувствует себя свободной, а иногда даже полностью расслабляется.

На втором канале Куасси Куасси учится у себя в Кот-д'Ивуаре играть на тамтаме. Отец показывает ему, как подстраивать ритм под удары своего сердца, чтобы стучать дольше. На одном из этих уроков он обнаруживает, что может вести диалог с отцом при помощи своего тамтама. Оказывается, его инструмент – не просто барабан, а настоящее средство бессловесной коммуникации. Он шлепает и шлепает ладонями, чувствуя себя на одной волне с отцом, со своим племенем, с предками.

На третьем канале критянин Теотим увлекся спортом. Его грудная клетка производит впечатление на молоденьких туристок. Он обнаружил способность к плаванию под парусом, к волейболу, а с недавних пор еще и к боксу.

Короче, мои подопечные – самые обычные люди. Я настолько привык наблюдать по этому телевизору одни драмы, что забыл, что чаще всего в жизни не происходит ничего особенного. Невозможно бесконечно переживать кризисы. Сейчас мои молодые клиенты просто живут-поживают, покорились судьбе.

Стук в дверь. Я обвертываюсь полотенцем и иду открывать. Ко мне пожаловало высокое длинноволосое создание. Я сразу узнаю ее по духам. Неужто угадала, что я все меньше думаю о ней? Потому и вернулась. На ее плече лежит одна из здешних лун.

– Я некстати? – спрашивает она.

А-фро-ди-та. Богиня любви. Абсолютные роскошь и соблазн, воплощенные в одном существе. Я чувствую, что опять превращаюсь в ребенка, и опускаю глаза, пораженный ее нестерпимой красотой. Я и забыл, какая она невероятная.

Я надеваю тунику и приглашаю ее войти. Она садится на диван. Постепенно ко мне возвращается способность на нее смотреть, я привыкаю к ее сиянию, как привыкаешь смотреть на солнце без темных очков. Ее присутствие – испытание для всех моих органов чувств, я едва держу себя в руках. Золотые ремешки ее сандалий обвивают икры и доходят до колен, ногти на ногах похожи на лепестки роз. Она слегка одергивает свою красную тогу, закидывает ногу на ногу, и я не могу оторвать глаз от ее бедер, прожигаю взглядом ее янтарную кожу, тону в ее золотых волосах, низвергающихся на красную ткань. Она моргает, ее забавляет мое волнение.

– Все хорошо, Мишель?

Мой взор упивается этим зрелищем высочайшего эстетического накала. Ее пытался воспроизвести Боттичелли, знал бы он, какая она на самом деле...

– Я принесла тебе подарок.

Она вынимает из-под тоги картонную коробку с дырочками. Изнутри доносится дыхание. Я жду, что она вынет оттуда котенка или хомячка, но меня ждет сюрприз.

Это трепещущее сердце высотой двадцать сантиметров, на человеческих ножках. Сначала я принимаю это за скульптуру, но скульптуры не трепещут, от них не исходит тепло.

– Автоматон? – предполагаю я.

Она гладит сердце на ножках.

– Я дарю такие только тем, кого по-настоящему люблю.

Я отшатываюсь:

– Живое сердце! Но это... ужасно!

– Воплощенная любовь – вот что это такое! Тебе не нравится, Мишель? – удивляется она.

– Мне кажется, что живое сердце почуяло неладное, иначе почему оно как будто сжалось?

– Как тебе сказать...

Я беру его и глажу, как испуганного котенка.

– Сердца любят, когда их преподносят в дар. Да, у этой химеры нет глаз, ушей, мозга, но у нее есть какое-никакое сознание, сердечное, так сказать. Она хочет, чтобы ее приручили.

Говоря, она потихоньку придвигается ко мне. Я не шевелюсь.

– Всем нужна любовь. Все остальное неважно.

Богиня любви прижимается ко мне всем телом. Я чувствую, какая у нее нежная кожа. Как же мне хочется ее поцеловать! Но она прикладывает к губам указательный палец.

– Знаешь, ты самый важный для меня человек, – сообщает она и материнским жестом гладит меня по лбу. – Я тебя люблю... но я не влюблена, во всяком случае пока. Сначала ты должен отгадать загадку.

Она берет мои руки и начинает их массировать.

– Я не всегда была богиней, сначала я была смертной женщиной. У меня были необыкновенные мать и отец, это они научили меня так сильно любить. Я хочу, чтобы у нас с тобой было что-то настоящее, грандиозное, а не так, ни рыба ни мясо. Настоящая любовь – вот к чему я стремлюсь. Хочешь, чтобы я в тебя влюбилась, – изволь совершать чудеса. Отгадай загадку. Напомню ее тебе: «Лучше Бога, хуже дьявола. У бедных есть, у богатых нет. Съешь – умрешь».

Она целует мои пальцы, кладет их себе на грудь. Потом берет сердце, которое, похоже, только и ждало, когда же на него обратят внимание.

– Не обессудь, сердечко, моему другу ты не очень нравишься. – она подмигивает мне. – Во всяком случае, его интересуешь не ты.

Сердечко дрожит от волнения.

Я повторяю попытку ее обнять, она уворачивается.

– Если тебе очень хочется, мы могли бы заняться любовью, но ты получил бы только мое тело, но не душу. Думаю, тебя бы это не осчастливило, а разочаровало...

– Я ко всему готов! – выпаливаю я.

– Ко всему-всему?

– Знаю, вы можете меня уничтожить, но я готов принять и это.

Она смотрит на меня со смесью веселья и удивления.

– Многие мужчины уже умерли от печали или покончили с собой от любви ко мне, но тебе я не хочу причинять зла, даже наоборот.

Она глубоко дышит.

– Теперь мы связаны навечно. В конечном счете если ты будешь хорошо себя вести, то мы сможем, быть может, пережить момент экстаза.

После этих слов она встает, прижимается ко мне, забирает свое живое сердце и уходит.

Я чувствую себя болваном. Внезапно меня посещает странная мысль: вдруг это сердце принадлежало кому-то из ее отвергнутых возлюбленных? Одному из тех, кого она «любила, но в кого не была влюблена»? Меня бросает в краску, мои щеки буквально горят. Никогда еще я не чувствовал такого смутения. Это же она хуже дьявола и сильнее Бога... Съем – умру.

В дверь опять стучат, да так громко, что я подскакиваю. На сей раз это Фредди – всклокоченный, перекошенный. Он с трудом выдавливает:

– Скорее! Мэрилин пропала...

Я бегу следом за ним. Мы собираем на поиски соседей и друзей. Мы носимся по всем улицам и улочкам Олимпии, забираемся даже в незнакомые ее углы. Сатиры, херувимы и кентавры заглядывают вместе с нами за памятники и статуи, шарят в кустах.

– Мэрилин, Мэрилин!

Ко мне возвращается предчувствие, которое мучило меня в мою бытность смертным, когда я смотрел на объявления о пропавших детях, мальчиках и девочках, намеренно составленных компьютером, с номером телефона для звонка родителям. Те умоляли похитителей откликнуться с экранов телевизоров и на радиоволнах. Позже об этих детях переставали говорить, объявления на стенах постепенно жухли и истрепывались, шло время, о пропавших забывали.

– Мэрилин, Мэрилин!

Мы прочесываем город. Из-за большой яблони на его центральной площади появляется робкое существо. Это ангелочек, прозванный мною Мушкой, девочка-мотылек сантиметров в двадцать росточком, нервно бьющая длинными синими крылышками. Опять она старается что-то объяснить мне жестами, манит меня за собой, в сады на севере города. Там журчат, выбрасывая изогнутые переливающиеся струи, большие скульптурные фонтаны.

– Ты знаешь, где Мэрилин?

Мушка не летит, а скорее мечется, я бегу за ней. Эта малютка – одна из первых, кого я повстречал в Эдене. Надо будет попытаться понять, что связывает меня с этой крылатой принцессой.

Мы пересекаем сад, другой, третий. Наконец я вижу среди стеблей гладиолусов сандалию. Она надета на женскую ступню. Потом у меня выходит разглядеть лодыжку, икру, колено, бедро, туловище и воздетую к небу руку со скрюченными пальцами. Мэрилин Монро хрипит – такие звуки может издавать животное, но не человек.

Я падаю на колени, тяну ее на себя и отшатываюсь при виде зияющей у нее в животе дыры. Сколько же раз этой душе уготовано умереть?

Вокруг никого, только мы с ангелочком. Я подбираю сухую ветку и поджигаю ее своим анхом, получается факел. При его свете я вижу, во что превратилось лицо самой знаменитой актрисы всех времен. Неужели уже поздно? Я кричу изо всех сил:

– Она здесь! Сюда скорее!

Я размахиваю своей горящей веткой. Актриса открывает глаза, она жива. При виде меня она с улыбкой бормочет:

– Мишель...

– Тебя спасут, не волнуйся.

Мне страшно даже взглянуть на ее огромную рану. Она продолжает бормотать, рот кривится в улыбке.

– Любовь – меч, юмор – щит...

– Кто на тебя напал?

Она хватается меня за руку:

– Это был он... богоубийца...

– Ну да, богоубийца. Кто он?

– Это... это...

Она не может договорить, смотрит на меня расширенными глазами и на последнем вдохе произносит:

– Л...

Но ее взор гаснет, пальцы перестают стискивать мою руку, губы смыкаются.

Вокруг нас уже теснятся боги, Фредди обнимает свою бездыханную подругу:

– НEEEEЕТ!!!

В его объятиях она кажется тряпичной куклой.

– Она успела назвать тебе убийцу? – спрашивает меня Рауль.

– Не имя целиком, а только первую букву, Л, и то я не уверен...

– Бернар Палисси тоже попытался выговорить имя на «Л», – напоминает Мата Хари.

– Вдруг это просто определенный артикль? – ворчит Рауль. – Тогда это может быть кто угодно. Мы даже пола не знаем, вдруг это женщина?

– «Эль» – одно из имен Бога на древнееврейском, – подсказывает Жорж Мельес.

– А еще это могло быть слово *aile*², – замечает Сара Бернар.

Странно и стыдно, что гибель Мэрилин оставляет меня почти равнодушным. Наверное, потеряв Эдмонда Уэллса, моего наставника, я смирился с мыслью, что всех нас перебьют одного за другим. «Здесь все недолговечно...»

– Вычитаем: $84-1 = 83$. Осталось всего 83 ученика. Кто будет следующим?

Вопрос задал Жозеф Прудон, мы не обращаем на него внимания.

– Давайте искать общий знаменатель для всех жертв, – предлагает Мата Хари.

– Все просто, – откликается Рауль. – Раз за разом гибнут лучшие ученики. Беатрис, Мэрилин... Они входили в первую тройку.

– Кому может быть выгодно убивать хороших учеников?

– Плохим, – отвечает, не раздумывая, Сара Бернар, указывая пальцем на анархиста-француза, удаляющегося без малейшего признака огорчения.

– Помнится, когда я еще был смертным, в последнем моем воплощении на Земле-1, у меня в лицее был класс, в котором группа самых плохих учеников с наслаждением гнобила лучших: загонит «ботаника» в угол и давай его лупить. Преподаватели опасались, как бы эта банда не проколола им крыши или вообще не набросилась на них с кулаками в разгар урока, и не смели вмешиваться. Они даже ставили этому хулиганью хорошие отметки. Вот она, «власть разрушительной силы». Спокойствия ради ей уступают.

– Или это, наоборот, кто-то из хороших учеников, желающий любой ценой выбиться в первые и победить, – продолжает Мата Хари. – Он убивает тех, кто отделяет его от окончательной победы.

– У кого сейчас самые лучшие отметки?

Мата Хари припоминает последний пьедестал почета.

– Первый – Клеман Адер, за ним идем почти ноздря в ноздю я и...

– Прудон, – заканчивает за нее Рауль.

Фамилия анархиста у всех нас на кончике языка. Как равнодушно он бросил: «Вычитаем...»

– Нет уж, обвинить его было бы слишком просто, – возражает Жорж Мельес. – Он обгоняет всех игроков в своей группе, зачем ему рисковать и идти на убийство?

Шум крыльев заставляет всех задрать голову. Афина приземляется на своем крылатом коне, спрыгивает на землю, над нами проносится ее сова. Мы стоим молча, богиня правосудия обращается к нам громовым голосом:

– Богоубийца бросил нам новый вызов и боги снова гnevаются! – провозглашает она.

---

² Крыло (фр.). – Прим. ред.

Она подходит к мертвому телу. Подоспевшие кентавры оттирают Фредди от тела возлюбленной, поднимают ее с земли, кладут на носилки и быстро накрывают одеялом.

– Участь Атласа была бы слишком легкой карой для убийцы из вашего числа. Атлас в конце концов привык. Значит, наказание должно быть еще более тяжелым. Я искала и нашла: мы обречем его на Сизифовы муки. Подобно Сизифу, он будет вечно толкать свой камень вверх по горному склону.

Ее речь встречают негромким ропотом.

– Я помню, что идею пытки бесполезным трудом в свое время подхватили нацисты. В своих концентрационных лагерях они заставляли узников таскать по кругу тяжелые бетонные блоки или перемещать кучи камней, а потом тащить их на прежнее место. Любое дело, даже причиняющее боль, можно вытерпеть, если в нем есть смысл. А вот если лишить дело всякого смысла...

– Вы сможете понаблюдать за этим наказанием вблизи. Ваш лекционный курс завершен, дальше вами займутся внештатные преподаватели. Первым из них станет Сизиф.

Сказав это, богиня пришпоривает своего Пегаса и устремляется на вершину Олимпа. Фредди, стоящий рядом со мной, сражен утратой своей невесты-звезды. Он едва держится на ногах от горя, мы подпираем его с четырех сторон.

– Выше голову, – бормочет Рауль, – мы вернем ее тебе.

Раввин не отзывается, и мой друг объясняет ему, что актриса уже, наверное, превратилась в химеру: в птицу лирохвоста, в единорога, сирену. С острова она никуда не денется. Здесь, по принципу химика Антуана Лавуазье, «ничего не пропадает, ничего не создается, все превращается».

8. Энциклопедия: видение

Если всю историю человечества сжать в одну неделю, то один день будет эквивалентен 660 миллионам лет.

Представим, что наша история начинается в 0 часов в понедельник с появлением Земли как твердой сферы. В понедельник, во вторник и утром в среду ничего не происходит, а вот в полдень среды зарождается бактериальная жизнь.

Четверг, пятница, утро субботы: размножение и быстрое развитие бактерий.

Днем в субботу, где-то в 16 часов, появляются первые динозавры, исчезающие через пять часов. Более мелкие и уязвимые живые существа расселяются где и как попало, рождаются и исчезают, остаются только случайно выжившие при природных катаклизмах.

В ту же субботу, за три минуты до полуночи, возникает человек. За четверть секунды до полуночи вырастают первые города. За сороковую долю секунды до полуночи человек сбрасывает первую атомную бомбу и удаляется от Земли, чтобы ступить на Луну.

Мы воображаем, что история наша тянется уже долго, но на самом деле в качестве «современных разумных существ» мы существуем какую-то сороковую долю секунды перед окончанием недели, что успела просуществовать наша планета.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том V

9. Сон о дереве

Пробуждение далось мне нелегко. Ночью мне снилось, что я очутился на многолюдной улице Нью-Йорка, меня толкают горожане, бегущие в разные стороны. Я обращаюсь ко всем с вопросом: «Кто-нибудь меня знает? Кто-нибудь может хоть что-то рассказать обо мне? Кто-нибудь знает, кто я, почему я здесь?» Оказавшись в конце концов на крыше какой-то машины, я ору: «Кто знает, кто я, почему существую, а не превращаюсь в ничто?» Кто-то останавливается и кричит в ответ: «Не знаю насчет тебя, а вот насчет меня ты можешь знать». Другие начинают спрашивать друг друга: «Ты не знаешь, кто я такой? А кто ты? Не знаешь, зачем мы здесь? Вот ты, ты не знаешь, зачем я существую? Кто владеет всей этой информацией?» Появляется Эдмонд Уэллс, он говорит: «Решение в дереве». И он указывает мне на большую яблоню в центре Олимпии. Я подхожу к ней, касаюсь ее коры – и меня как бы всасывает внутрь дерева. Я превращаюсь в... белый сок, теку к корням, там напитываюсь микроэлементами и поднимаюсь вверх по стволу, по коре, к ветвям, добираюсь до листы, распространяюсь по зеленым жилкам, вбираю свет, спускаюсь и растекаюсь по всему дереву в виде жидкости, так я соединяю корни с верхними, самыми тонкими ветвями.

Ассоциативное мышление. Сок превращался в сгустки, в клетки, в человечество. Я представил, что корни дерева – это его прошлое, ветви – будущее. Я циркулировал по ветвям как по вариантам человеческого будущего. Я сновал взад-вперед, от ствола к ветвям, меняя варианты будущего, просто скача с ветки на ветку. Мне были видны последствия каждого выбора. Плоды превращались в варианты нашей планеты, это немного напоминало миниатюрные миры, которые я видел у Атласа.

Я просыпаюсь, тру глаза. Что за странный сон! Он изрядно меня измотал. Этим утром мне не хочется идти учиться. В конце концов, мне это не по возрасту! Вспоминается вчерашняя сцена с Афродитой. Я понимаю, что несчастные мужчины подпадали под ее чары, пораженные таким сложным существом. Надо подумать о чем-то другом. Я решаю остаться в постели, во власти снов.

Стоит мне закрыть глаза, как я опять оказываюсь внутри дерева, превращаюсь в сок, готов к новым древесным приключениям. Но меня выдергивает из коры пронзительный звук. Это утренний колокольный звон. Какой нынче день? Суббота. Это по воскресеньям нам дают поспать подольше.

Я решаю встать и тащусь к зеркалу. Там меня встречает тип с помятой физиономией и щетиной на щеках – я сам. Я умываюсь холодной водой, чтобы проснуться, и следую утреннему ритуалу: душ, бритье, тога... За этим следует завтрак в Мегароне: кофе, чай, молоко, джемы, круассаны, бриоши, тосты... Фредди молчит, кажется, он чего-то ждет.

– Что станет с народом женщин-ос без Мэрилин Монро? – спрашивает Мата Хари.

– Что станет со всеми нами? – подхватывает Сара Бернар. – Без Мэрилин у нас не осталось страховки, как нам теперь сдерживать Прудона? У него многочисленная и умелая армия. Он сможет одолеть нас одного за другим.

Гюстав Эйфель и Сара Бернар возвращаются к идее альянса для поражения войска анархиста. Рауль озабочен другим:

– Если люди-крысы сунутся ко мне в горы, я должен буду оказать им сопротивление. Хоть камнями швыряясь, хоть перекрывая перевалы! Зато мне не придется спускаться на равнины и сражаться с его ордами, особенно теперь, когда он посылает вперед своих рабов, подставляя их под вражеские стрелы, ожидая, когда их запасы истощатся.

– Откуда Прудон позаимствовал эту тактику?

– По-моему, людей гнали на убой как скот еще полководцы средневекового Китая, – говорю я, знаток «Энциклопедии». – Они держали их на голодном пайке, лишь бы дожили до ближайшего сражения. Их выталкивали вперед, используя как живой щит.

– Какое презрение к своим сородичам! – ахает Сара Бернар.

Мы обсуждаем стратегию. Люди-лошади Сары Бернар и люди-тигры Жоржа Мельеса еще слишком далеко от мест, где бесчинствуют люди-крысы Прудона, бесполезно принуждать их к марш-броскам, чтобы сколотить одну большую армию.

– Женщины-осы – главная забота Прудона. Пока он с ней разбирается, мы найдем решение.

– Что будет, если он захватит всю планету? – беспокоится Гюстав Эйфель.

Сара Бернар сухо отвечает:

– Тогда все женщины окажутся рабынями. Сами видели, как обращаются мужчины-крысы со своими спутницами, сестрами и дочерьми!

– А уж как безжалостны они ко всем чужим... – причитает Жорж Мельес.

– Этот Прудон – пучок противоречий, – замечает Мата Хари. – С самого начала он провозглашает мир «без бога и без господина» и сам же старается установить планетарную тиранию с опорой на насилие и на касты.

– Это принцип «зло нужно вытравлять злом», – подсказывает Жорж Мельес.

– Он борется с фашизмом фашистскими методами: насилием, ложью, пропагандой, – добавляет Сара Бернар.

– Когда речь заходит о политике, крайне правые позиции не так уж отличаются от крайне левых, как нас ни пытаются убедить в обратном, – говорит Жорж Мельес. – Все они просто борются против центра – вот что происходит. Кстати, «экстремисты» зачастую находят поддержку у одних и тех же людей: завистников, озлобленных, националистов, реакционеров; под прикрытием «высшего идеала» они прибегают к помощи вооруженных банд, не чураются голого насилия, демагогии и лживой пропаганды.

Ему никто не смеет возразить, но я чувствую, что не все с ним согласны. Рауль, например, всегда, насколько я знаю, считал центристов бесхребетными, нуждающимися в том, чтобы их время от времени трепали с флангов.

– У крайних партий схожие ценности, – поддакивает Сара Бернар. – Обычно все начинается с изгнания из политической жизни женщин. Таков первый признак. Далее наступает очередь интеллектуалов и всех, кто может критиковать власть.

Мы косимся на Прудона, сидящего за столом в одиночестве. Похоже, он ушел мыслями в партию, которую разыгрывает.

10. Мифология: Сизиф

Это имя означает «очень мудрый». Он – сын Эола, мужа плеяды Меропы (дочери Атласа). Сизиф заложил город Коринф.

Расположившись в Коринфе, его люди контролировали перешеек, нападали на путников и обкладывали их данью. Так у них появились средства для ведения войны, так началось процветание Коринфа. От разбоя Сизиф постепенно перешел к мореплаванию и торговле.

Как-то раз Зевс обратил внимание на жительницу Коринфа Эгину, дочь бога рек Асопа, и повелел ее похитить. Сизиф сообщил Асопу имя обидчика и получил в награду неиссякаемый фонтан. Зевс не простил ему измену и приказал Танатосу, богу смерти, покарать Сизифа вечной каторгой.

Хитрец Сизиф уговорил Танатоса примерить на себя заготовленные для него кандалы. В результате бог смерти стал пленником Коринфа. Царство мертвых в отсутствие своего божества опустело.

Зевс, все сильнее гневаясь, отправил Ареса, бога войны, освобождать бога мертвых. Заодно он приказал ему пленить слишком хитрого владыку Коринфа.

Сизиф не намеревался легко сдаваться. Он изобразил покорность, но перед спуском в царство мертвых попросил жену не хоронить его тело. Спустившись во владения Гадеса, он добился разрешения вернуться на три дня к живым людям, чтобы наказать свою вдову, не предавшую его земле.

Попав в Коринф, он отказался возвращаться к мертвецам. В этот раз Зевс обратился к Гермесу, тому было велено вернуть Сизифа силой. Судьи Ада рассудили, что такое неповиновение заслуживает показательной кары, и приговорили его к наказанию, придуманному специально для него: вечно толкать на гору огромный валун, который, оказавшись на вершине, тотчас же катился вниз по другому склону, и его опять приходилось толкать наверх. Когда Сизиф пытался передохнуть, Эриния, дочь богини ночи Нюкты и Кроноса, возвращала его к сизифову труду ударами кнута.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том V (по Франсису Разорбакуи «Теогонии» Гесиода, 700 г. до н. э.)

11. О значении городов

Улочки Олимпии оживают, в небе парят грифоны, местные толстые городские голуби. Разница в том, что эти «голубки» не воркуют.

Восемьдесят три выживших ученика в белых тогах приветствуют и подбадривают друг друга.

Мы тянемся длинной вереницей на Елисейские поля, на новый урок божественности. Перед нами предстает Ора, она провожает нас в квартал так называемых богов на подхвате на юге Олимпии.

Этот квартал мне плохо знаком. Здешние дома отличаются один от другого. Это, конечно, не дворцы богов, но оригинальностью они превосходят дома учеников. Некоторые постройки классического вида на первый взгляд смахивают на учреждения. Управлять таким большим городом невозможно без чиновничества.

Ора подводит нас к строению в коринфском стиле, похожему на внушительную античную виллу. Его окружают мраморные колоннады и позолоченные скульптуры. Стены покрыты барельефами, изображающими крупные города древности и современности.

Мы переступаем порог и попадаем в класс со стенами кирпичного цвета. На полках вдоль стен расставлены макеты городов из разных эпох.

Большой макет справа – детский электропоезд с платформой на фоне миниатюрных холмов и речек. Слева – колонны города под стеклянным куполом. На стенах висят планы городов разных размеров.

Мы слышим грохот камня, передвигаемого вверх по склону. Выйдя, мы видим человека позади огромного круглого валуна, он с усилием толкает его в нашу сторону. Над ним порхает маленькая крылатая брүнетка с костлявым лицом, стегаящая его кнутом.

Свергнутый царь Коринфа оставляет свой валун у двери класса. Эриния не возражает, чтобы он временно отвлекся от своей каторжной повинности. Он благодарит ее, входит, волоча ноги, поднимается на помост, устало садится, утирает лохмотьями тоги пот со лба. Все его тело исполосовано кнутом.

– Прошу прощения, – говорит он нам, переведя дух, потом со страдальческой гримасой, с долей недоумения, обводит нас взглядом. На его лице мученика появляется улыбка. – Рад вас видеть, благодаря вам я могу немного передохнуть.

Кто-то хочет дать ему воды из кулера, но Эриния отталкивает доброхота. Новый преподаватель советует нам не проявлять подобных инициатив.

– Значит, так. Меня зовут Сизиф, я ваш новый инструктор в Эдене.

Не отступая от ритуала, он пишет свое имя на доске.

– Я не бог-учитель, я бог на подхвате. Со мной вы разберете важное в божественном ремесле понятие – город.

Он свистит в два пальца, снаружи до нас опять доносится непонятный звук. В классе появляется Атлас, согнувшийся под огромным шаром диаметром в три метра. Это наш рабочий мир, Земля–18.

В этом стеклянном шаре находится планета, дом для наших народов. Пусть она – всего лишь объемное отражение настоящей планеты, плывущей где-то в космосе, мы все равно взволнованы новой встречей с «нашей Землей», с ее океанами, озерами, городами, копошащимися человечками, за которыми мы спешим понаблюдать в лупы наших анхов.

Гигант опускает свою ношу на подставку и проводит тыльной стороной ладони по лбу. К нему подходит Сизиф, герои обнимаются, оба глядят друг на друга с печалью. Оба, вероятно, считают себя жертвами несправедливости, но мирятся со своей участью.

– Крепись, мальчик мой, – напутствует Сизифа великан.

В классе шепчутся. Мы рады снова видеть планету, на которой пасутся наши смертные стада. Нам любопытно, что произошло с ними за ту ночь, пока они были предоставлены самим себе.

Сизиф провожает взглядом великана, удаляющегося тяжелой походкой, держась за бока. Потом бог на подхвате выдвигает ящик своего письменного стола и берет оттуда анх. Он светит на нашу планету прожектором, внимательно изучает наши «художества». Потом встает на скамеечку, чтобы быть вровень с экватором планеты.

– Что ж, дела идут неплохо, – объявляет он наконец. – Впрочем, складывается впечатление, что вы слишком уж доверились своей способности импровизировать: чего только стоят эти войны на скорую руку, эти надуманные религии...

Мы ждали, что он проявит больше энтузиазма.

– Совсем немногие из вас потрудились разработать глобальную долгосрочную стратегию. Культуры, проистекающие из реакции страха, – это едва ли не все, что я вижу.

В классе уже ропщут.

– Как справиться со своим страхом?

Он ждет от нас ответа, не получает его и решает ответить сам:

– Сплочением, самозащитой, сосредоточением сил. Некоторые из вас уже сделали это, но и они не продвинулись далеко. Поэтому я начну с концепции, имеющей первостепенную важность для продолжения игры.

Он пишет на доске слово «город» и берет его в кавычки.

– Резюмирую предшествующие ступени развития. Вы прошли через этап кочевых племен, орд пещерных людей, с толпами людей, ютившихся в хижинах, за ними последовали деревни, укрепленные поселения, поселения за крепостными стенами. Пришло время перейти к строительству больших красивых городов.

На доске появляется следующее слово «цивилизация».

– «Цивилизация» происходит от латинского *civis*, «город». Считалось, что человек цивилизуется, когда принимается строить города. Монголы, например, их не строили, потому монгольской цивилизации в истинном смысле этого слово не существует. Скоро мы к этому вернемся.

Сизиф возвращается за свой стол, морщит лоб:

– Для начала понаблюдаем за вашими народами в уже существующих городах и попробуем различить процветающие, загнивающие и приходящие в упадок.

Мы склоняемся над Землей–18 со своими лупами-анхами и исследуем поверхность планеты на предмет агломераций. Самая крупная – без сомнения, столица царства людей-скарабеев Клемана Адера. На втором месте город людей-китов Фредди Мейера. Оба этих великолепных города усеяны памятниками, в них зеленеют сады, их жители избавлены от голода благодаря большим запасам зерна.

– Сначала, как вы наверняка заметили, бурно развивались города на возвышенностях, – комментирует наш внештатник. – А почему?

– Там воздух чище... – предполагает Симона Синьоре.

– Высота позволяет лучше защищаться от нападений, – говорит Рауль, недаром он загнал свою столицу высоко в горы.

Сизиф кивает:

– Верно, но с течением времени концепция укрепленного города в горах становится, как видите, тупиковой. Почему?

Руку тянет Анри Матисс, бог людей-слонов.

– Там холодно!

– Стены мешают городу разрастаться. Как и ущелья, – дополняет Осман.

Сизиф опять кивает и наводит свой анх на один из городов людей-волков Маты Хари. Той, столкнувшейся с ростом населения, пришлось строить жилье вне оборонительных стен, потом настала очередь второго кольца защитных стен. Когда она уткнулась в неприступные скалы, дальнейшему расширению был положен конец.

– Что-нибудь еще?

– Крестьяне с равнины, спасаясь от вторгнувшегося врага, торопятся укрыться в укрепленном городе, бросая свои поля, тут же подвергающиеся опустошению, – говорит Сара Бернар.

– Продолжайте. Шевелите мозгами! – поощряет нас бывший царь Коринфа.

– Еду и воду люди доставляют в город на своем горбу, в лучшем случае на ишаках, делая город зависимым от равнины, – вспоминает Рауль, чье поселение людей-орлов кичится своей недоступностью.

– И?..

– Посредники и носильщики все время требуют прибавки. То, что на равнине обходится в десятку, в горах стоит уже полсотни.

Мари Кюри знакома с этим ограничением и подумывает о том, чтобы спустить вниз свой город людей-игуан, окруженный пропастями.

– Мы перечислили ограничения горных городов... Каким же городам светит, по-вашему, лучшее будущее?

– Тем, что в лесах, – подает голос Жан-Жак Руссо, бог людей-индюков.

– Времена собирательства и охоты миновали, – напоминает учитель, – лес мешает доставке продовольствия и не дает вовремя заметить надвигающегося врага.

– Зато лес для строительства, считай, бесплатный, – защищается Жан-Жак, не желающий сдаваться.

– Скоро вам придется тушить большие пожары, и вы откажетесь от деревянных домов. Для строительства удобнее близость к карьерам.

Мы продолжаем поиск.

– Как насчет городов посреди равнин? – предлагает Вольтер, чтобы не отстать от остальных.

– Легкая мишень для орд всадников. Вы видели, что большинство равнинных городов становились их первыми мишенями.

– Города на морском берегу? – спрашивает Эдит Пиаф.

– Само собой, такой прибрежный город трудно полностью окружить, зато ему грозят нападения морских пиратов. Жителям приходится непрерывно вглядываться в горизонт.

Я помалкиваю, хотя хорошо помню вторжение со стороны равнины и единственный путь спасения – по морю.

Бруно, бог людей-соколов, заявляет, что его выбор – это города посреди пустыни.

– В пустыне видишь врага издалека. К тому же врагу будет нечего пить и есть, если он прибегнет к осаде.

– Осажденным тоже будет грозить голод, – возражает Сизиф. – Так как же обеспечить городу защиту и покой, не забрасывая его в высокогорье, на берег моря или в бесплодную пустыню?

Я поднимаю руку:

– Надо строить город на острове.

– Нет, когда город от всего отрезан, это тормозит торговлю и грозит распространением близкородственных браков. Остров – слишком замкнутый мирок. Но вы движетесь в правильном направлении. Нужен не остров в открытом море, а...

– ...остров посреди широкой реки, – догадывается Мата Хари.

Бывший царь Коринфа удовлетворенно кивает:

– Именно! Остров на реке... Доказательство – опыт Земли–1.

Он разворачивает карту Франции на Земле–1 и показывает Париж, город, зародившийся на острове посреди реки, потом Лион, Бордо, Тулузу...

– Все это – французские города, ведь у вас французский поток, но можно привести и другие примеры: Лондон, Амстердам, Нью-Йорк, Пекин, Варшава, Санкт-Петербург, Монреаль... Практически все современные большие города на Земле–1 зарождались на речных островах. Перечислите другие преимущества городов, построенных на середине рек.

Я рисую на столе остров посреди реки. Мое внимание привлекает надпись, оставленная, вероятно, учеником из прежнего потока. Он вырезал лучом своего анха: «Спасем Землю–1, единственную планету, где есть шоколад».

Я собираюсь с мыслями. Так в чем смысл создания города на острове посреди реки?

– Вода вокруг – естественная преграда. Лошадям ее не преодолеть, пехоте тоже, – перечисляет прагматик Рауль.

В классе лес рук.

– Город, окруженный водой, трудно осадить.

– Его население не уморить голодом.

– Проточную воду нельзя отравить.

– По реке легко скрыться в случае опасности, – напоминает Сара Бернар.

Другой ученик дополняет:

– Осаждающие должны будут контролировать реку выше и ниже по течению, иначе к городу будут проникать лодки с провиантом и подкреплением; если же дела будут идти плохо, то командиры осажденных смогут улизнуть.

– Не забывайте, жизнь к войне не сводится, – напоминает всем Сизиф.

– В реке можно стирать белье, – вспоминает Эдит Пиаф.

– Река способствует развитию торговли, – говорит Рабле. – Город на реке может взимать пошлины с торговых судов, плату за транзит.

Учитель на подхвате кивает.

– Можно отправлять экспедиции, разведывать новые земли и подчинять их, искать там сырье и налаживать торговлю, – дополняет остальных Руссо.

– Благодаря речной торговле и пошлинам город богатеет и может при необходимости привлекать наемников и заключать союзы. Потому, наверное, символ Парижа – лодка синдиката речников, – напоминает Осман, знаток истории города, в перестройке которого он участвовал.

– Город, не стесненный стенами, расширяется и в конце концов завладевает берегами реки, – подчеркивает Эйфель, на глазах у которого растущая французская столица постепенно заняла всю низину Парижского бассейна.

Сизиф требует тишины и приносит из соседней комнаты подставки с макетами городов. Он расставляет их у себя на столе и просит нашего внимания. Каждый макет снабжен этикеткой. Мы понимаем, что перед нами миниатюры главных метрополий Античности: Афин, Спарты, Александрии, Персеполиса, Антиохии, Иерусалима, Фив, Вавилона, Рима... Он требует, чтобы мы назвали сильные и слабые стороны каждой, обратили внимание на ширину улиц, на продуманность расположения площадей.

– Сердцем города всюду служит рынок, значит, важно, чтобы до него было легко дойти по широким улицам, – говорит он для затравки.

Потом он показывает нам кое-что еще.

– Рынок часто соединен широкой магистралью со складами и хранилищами продовольствия, их место – у въезда в город, чтобы большие повозки не заезжали в него и не мешали там движению.

Сизиф показывает нам узловые точки города.

– Город можно назвать большим живым организмом, который ест, переваривает пищу и... освобождается от отходов своей жизнедеятельности.

Остальное дорисовывает наше воображение. Он продолжает:

– Ворота города – его рот, рыночная площадь – желудок, городская свалка – анус. Вывоз и переработка отходов – постоянная забота, ведь если этим не заниматься, то улицы быстро превратятся не только в источники нестерпимого зловония, но и в очаги болезней, распространяемых крысами, тараканами и мухами.

После этого Сизиф указывает на макет временного монгольского становища:

– Когда ваши народы еще находились на стадии стай, они обитали на открытом воздухе и оставляли вчерашние отходы позади себя. Но при жизни в замкнутом пространстве мусор становится вездесущим, и стоит подзабыть о гниении, как оно само о себе напомнит.

Мы прилежно записываем.

– Вам придется подумать также о цистернах для сбора дождевой воды, которая будет использоваться для орошения, а также о канализации, которая будет служить вам фильтром.

После этих предупреждений наш учитель возвращается к своим макетам античных городов.

– Город – это не только пищеварительная, но и нервная система. Царский дворец или мэрия – ее мозг.

Он показывает нам разные модели дворцов и замков, предназначенных для глав государств.

– Перед вами легкие, питаемые кислородом в виде налогов, они подают этот кислород в мозг, где принимаются решения о его последующем перераспределении.

Царь Коринфа демонстрирует налоговые центры разных стилей, из разных эпох.

– Кислород, то есть деньги, поступает в мускулы; благодаря строителям-каменщикам город растет; землепроходцы – глаза города на окрестных территориях; ремесленники и прочие работники трудятся в мастерских, и благодаря им производство не останавливается; земледельцы обрабатывают поля и собирают урожай.

Сизиф через силу перемещает свое истерзанное тело между рядами класса:

– Не забудем об обороне, подобии иммунной системы, защищающей город от внешней и внутренней агрессии. Полиция изымает больные и опасные для организма элементы, они подлежат обеззараживанию, иначе заражат остальных. Их изолируют в тюрьмах. Придется подумать и о сооружении тюрем.

На ходу он продолжает объяснять:

– Еще одна система безопасности – служба тушения пожаров. И наконец, военные, отражающие вторжения из-за внешних рубежей, подобно тому, как живой организм создает заслон против чуждых микробов.

Сизиф направляется к полкам сбоку и снимает с них несколько миниатюрных зданий.

– Храм может служить сердцем, благодаря ему все будут мыслить и чувствовать в унисон.

Он показывает нам храмы всех эпох и народов, от типа индейцев племени навахо до готических соборов.

– Школы, а затем и университеты – это система размножения, поставляющая новых горожан. Она передает память, ценности, культуру.

Царь Коринфа размещает на макете домики.

– В городах люди больше общаются, но их жизненное пространство сокращается. Раньше достаточно было поселиться на отшибе, устав от соседей. А здесь изволь терпеть другого... Возникает, как видите, деликатное явление – соседство.

Все мы вспоминаем своих «соседей» по Земле-1. Лично мне запомнился совет собственников квартир нашего жилого дома, там-то я и понял, насколько близко мы все друг к другу притерты.

– Сосед – он как вы, почти как вы, если не шумит после одиннадцати часов вечера, не оставляет в местах общего пользования окурки, не спускает среди ночи воду в унитазе, не забирает по оплошности вашу почту. Сосед жарит дымные барбекю, шумно и нелепо занимается любовью, звонит и клянчит штопор, отрывая вас от работы, заражает вас гриппом, донимает своими проблемами с детьми, хотя это у вас с ними проблемы – они малюют фломастерами непотребства на вашей двери. Выходит, лучше не слишком сближаться с другими людьми, иначе они становятся невыносимыми.

Бывший царь Коринфа ненадолго умолкает, схватившись за бок.

– Были люди, ненавидевшие города. Чингисхан был убежден, что города – это тюрьмы, из которых и берут начало все проблемы: болезни, продажность, скарденность, зависть, лицемерие. Не сказать, что он был так уж неправ. Помните опыт с крысами в клетке? Вы видели, что свирепость растет по мере сжатия жизненного пространства. Впрочем, я не стану утверждать, что жить на свежем воздухе – это значит непременно быть добрым и радушным...

Он разглядывает свой игрушечный городок.

– ...да и Чингисхан был далеко не образцом миролюбия, но его народ, по крайней мере, не утопал в грязи и много путешествовал.

– Вы хотите внушить нам отвращение к городам? – спрашивает Сизифа Сара Бернар.

– Я хочу побудить вас создавать гармоничные и эффективные города. Такова тема моего курса. Подобно любой форме прогресса, город как несет в себе угрозы, так и обеспечивает преимущества. Приглядимся к этим макетам. Древние города представляли собой по большей части квадраты, пересекаемые двумя главными артериями, которые сходились в центре под прямым углом, как здесь, в Олимпии. Четверо ворот по сторонам завершали конфигурацию. На Земле-1 по такому принципу были задуманы Иерусалим, Гелиополис, Рим, Пекин, Ангкор. Простая, но функциональная структура, можете вдохновляться ею.

Он показывает еще несколько планов городов, потом пишет на доске: «Массовые войны».

– Ваши города породят новые виды войн. Это будут войны с долгими осадами и техническими ухищрениями. Раньше все дело было в контроле территорий, теперь приходится контролировать укрепленные города. А для осады нужно много людей. На той стадии игры, которой вы достигли, считается, что в каждом поколении количество солдат удваивается, так достигается победа. Часто армии, желая произвести друг на друга впечатление, вытягиваются в длинные горизонтальные линии.

Он садится.

– Знаете, в учебниках истории пространно повествуется о великих битвах, но не упоминаются те, которые не случились, потому что одной из двух армий удалось напугать другую лишь числом своих солдат и этим принудить противника к сдаче. Никогда не забывайте, что устрашение позволит вам сэкономить уйму жизней.

Я смотрю на других учеников, все записывают слова Сизифа. «Массовые войны». Вот бы ввести такую дисциплину в школе! Привычка собирать людей для взаимного смертоубийства всегда представлялась мне нелепостью, плачевной человеческой традицией. Ничего себе праздник – убивать друг друга под барабаны и трубы, а то и распевая песни! Чаще всего это происходило в погожие весенние деньки. И вот теперь я наделен властью развязывать свои собственные войны, запихивать мой народ в убийственную мясорубку. Боюсь, даже если я хороший шахматист, война не доставит мне ни малейшего удовольствия.

Царь Коринфа продолжает:

– У войн социальная роль. Они позволяют избавляться от излишков населения. Подобно эпидемиям и голоду, гражданские войны прореживают избыточное население, поскольку это, как ни крути, серьезная проблема: ну, не умеет человечество сдерживать свой демографический рост! Отсюда неуправляемые банды хулиганов-молокососов, сеющие страх. Необходима саморегуляция населения, иначе «лишние дети» всем сядут на голову!

Он говорит это как ни в чем не бывало: «лишние дети»! Как будто речь о заводе, уничтожающем во избежание перепроизводства часть своей продукции.

– Так что, – продолжает он, – глядя на историю Земли–1, мы видим, что за фазой высокой рождаемости обычно следуют войны. Это как автоматическая скороварка, в ней ведь тоже сбрасывают давление, чтобы не взорвалась.

– И что же, нет другого пути для «удаления» избытков населения? Только и остается, что вести войны? – спрашивает Симона Синьоре.

– Единственная альтернатива – саморегуляция. Но пока что немногие попытки прибегнуть к ней кончались неудачей. Можно подумать, что человеку настолько нравится наблюдать рост населения, что он не способен себя сдерживать. Даже у самых репрессивных диктатур не получалось ввести действенный контроль рождаемости.

Он разочарованно вздыхает.

– Есть страны, которые хотели бы нарастить свое население, чтобы получить больше солдат для будущих войн, – замечает Бруно. – Известно ведь, что если ограничивать собственное население, то сосед точно поступит наоборот и потом двинет на тебя своих подросших ребятшек...

– Вот видите, еще одна проблема соседства...

Сизиф встает, роется в своих бумагах и показывает нам планы ульев, термитников и муравейников.

– Однако же если понаблюдать за насекомыми со сложной социальной организацией, за пчелами или муравьями, то мы увидим, что они прекрасно освоили саморегуляцию. Их яйцекладка зависит от потребностей и от запасов еды... Увы, для контроля рождаемости требуется уровень сознательности, которого ваши народы на Земле–18 еще долго не достигнут. Поэтому они и дальше будут предпочитать военное решение.

Я поднимаю руку:

– Что, если всем нам, богам, сесть за стол и договориться о прекращении войн? Мы бы каждому выделили более-менее поровну земли и обуздали бы рождаемость, чтобы добиться у себя стабильности и гармонии. Тогда наша энергия больше не тратилась бы на расширение и на оборону от нападений, а шла бы на улучшение повседневной жизни нашего населения.

Мое предложение встречают молчанием. Сизиф подбадривает меня:

– А что, совсем не глупо, продолжайте. То есть все садятся за стол и...

– ...и договариваются, что отныне кладут конец соперничеству, что впредь никто никого не будет побеждать, все будет делаться сообща...

– Что насчет демографического роста? – напоминает Сизиф.

– Мы бы разработали систему контроля рождаемости, я уже так делал на острове Спокойствия. Критериями будут потребности, внутреннее и внешнее равновесие.

Бывший царь Коринфа скребет себе подбородок.

– Вы только забываете, что по своей природе человек – животное, переживающее рост численности. Требовать, чтобы он ограничил себя в деторождении, – все равно что навязывать ему отказ от постоянной экспансии.

– Вы сами только что сказали, что общественные насекомые добились в этом успеха.

Сизиф кивает:

– Добились, но за сколько времени? За сотни миллионов лет! Человек – животное молодое. Ваши люди – и подавно новорожденный вид... Люди все еще живут в страхе, все еще получают удовольствие от убийства. Где им понять, что их личное счастье зависит от равновесия с природой? Им вечно нужно показывать, что они самые сильные. Им подавай соревнование. А в соревновании всегда есть победившие и проигравшие.

– Я не верю в дарвинизм, в отбор сильнейших, – говорю я с убеждением. – Думаю, нам под силу перестать рвать друг друга в клочья и понять, как нам всем вместе начать процветать, сохраняя при этом равенство.

– Для этого нашему виду потребовалось бы единообразие. Но штука в том, что все люди разные как физически, так и умственно, у них разные ценности, разные способности. Природе чужда эгалитарность. Животные тоже разные, их различие порождает богатство мира. Люди тоже богаты своими различиями... Вспомните, как коммунисты захотели установить полное равенство своих граждан. Результатом стала диктатура свирепее самого царизма... Что до сидения за круглым столом, то в прошлом были и такие попытки. После большой бойни, войны 1914–1918 годов, была учреждена Лига Наций. Все правительства мира твердили: «Больше никогда». Заговорили даже о «всемирном разоружении». Они всерьез думали, что можно сложить все оружие на свете в одну кучу, а затем сжечь его или закопать. Прошло всего двадцать лет – и грянула Вторая мировая, в ней применялось еще более разрушительное оружие, совершалось еще больше зверств, погибло еще больше людей.

По классу пробегает ропот.

– На Земле–1 не получилось, а на Земле–18 может получиться. Не для этого ли мы здесь? Не для того ли, чтобы превзойти наших предшественников?

Сизиф подходит ко мне.

– Все так, но реализм не помешает. Вы можете представить себе Олимпийские игры, в которых всем участникам присудили бы первое место? Что за интерес в таком случае участвовать в соревновании? Что за удовольствие от выигрыша, когда нет проигравшего?

Я не хочу сдаваться.

– Вы прибегли к примеру Олимпиады, а я воспользуюсь другим примером. Возьмем гладиаторов и представим, что во время представления на римской арене они вдруг решили перестать сражаться.

Но Сизифа не сбить с толку.

– Чем же займутся ваши гладиаторы?

– У них восторжествует союз и взаимопомощь.

– И они вместе набросятся на римскую стражу?

– Именно!

– Всех их перебьют, однажды их уже разгромили. За примером далеко ходить не надо, вспомните восстание Спартака. Он тоже сделал ставку на солидарность гладиаторов. Не буду от вас скрывать, они очень плохо кончили.

Я пристально смотрю на нашего учителя.

– Тогда я обращусь ко всему классу.

Я поворачиваюсь к моим соученикам:

– Слушайте все, божественная игра едва началась, наши народы скоро войдут в фазу, соответствующую фазе земной Античности. Вот мое предложение: решим все вместе больше не враждовать. Предлагаю разделить территории, признав существующие границы. Далее, чтобы избежать упомянутых только что проблем перенаселения, мы станем ограничивать количество детей в зависимости от смертности. Пусть те, кто согласен со мной, поднимут руку.

За меня раввин Фредди Мейер, Сара Бернар, Жан де Лафонтен, Симона Синьоре, на них ориентируется и Рабле. Я смотрю на Рауля, тот отводит взгляд. Он себе на уме, что с него взять. Я вижу новые поднятые руки: Эдит Пиаф, Жоржа Мельеса, Гюстава Эйфеля. Некоторые колеблются: то приподнимут руку, то опустят. За мной готова последовать треть учеников, остальные две трети против.

– Подумайте! В финале останется кто-то один. Неужели каждый из вас уверен, что это будет именно он?

Сизиф кивает:

– Это как в лотерее. Люди готовы играть, хотя знают, что шанс выиграть равен одному на пять миллионов, зато выигрыш огромен. Их не устраивает, скажем, блек-джек, где шансов выиграть больше, но сумма выигрыша невелика. Не ищите логику в области, где всем верховодят эмоции. Упование на выигрыш затмевает разум.

Словно желая ему возразить, руку поднимают новые мои сторонники: Мари Кюри, Жан-Жак Руссо, Осман, Виктор Гюго, Камилла Клодель, Эрик Сати.

Я лезу на стол и окидываю взглядом моих соучеников, всех восьмидесяти трех.

– Можно прямо сейчас все остановить.

– Он прав, – говорит Сизиф, – думаю, если все вы согласны поделить мир поровну, то всем богам Олимпии придется учесть вашу позицию. Не скрою, вы не первые. – и он тихо продолжает: – Не скрою и другое: то же самое приходило в голову ученикам прежних классов, но им не удавалось добиться единодушия.

– А мы добьемся, – упорствую я. – Уже почти добились.

Поднимаются еще руки.

– Там, где все проиграли, мы одержим победу!

Но на мой энтузиазм никто не отзывается. У меня впечатление, что я оказался на месте Люсьена, ученика-утописта, с первого же урока объявившего, что он хочет избавить Землю–17 от мук. Он решил вовсе не участвовать в игре, в которой все цивилизации ждала гибель.

– Ну же, давайте объединимся!

Не поднявшие руку с сомнением смотрят на меня.

– Только если единогласно, – напоминает всем царь Коринфа. – Если хотя бы один ученик откажется выйти из игры, то ничего не выйдет.

Еще несколько учеников поднимают руки, и все равно вместе это даже не половина всех собравшихся. К нам присоединяется Мата Хари.

Рауль держит руки на коленях.

– Вы отдаете себе отчет, как много зависит от этого голосования? – спрашиваю я.

Больше никто не шевелится. Я чувствую смертельную усталость.

– Попытка не пытка, – подытоживает Сизиф. – Вы хотя бы не сидели сложа руки, это достойно уважения.

Мои сторонники опускают руки. Думаю, ни у кого из них не было иллюзий.

– Не принимайте это слишком близко к сердцу, – советует наш внештатный преподаватель. – Вы не учли, что некоторые играют из одного удовольствия.

Наверное, он прав.

– Как вам такая метафора: участники партии в покер собирают свои ставки в одну кучу и раздают деньги всем поровну. Будет ли после этого интересно играть?

Сизиф поворачивается к классу:

– Радуйтесь, вам довелось участвовать в самой захватывающей игре на свете! Это интереснее, чем игрушечная железная дорога, лучше карт, «Монополии» и любых компьютерных игр, вы играете в богов реальных миров! Так воспользуйтесь же этим!

Мне он говорит:

– И ты играй, Мишель. Все равно тебе не остается выбора, и ты еще можешь выиграть. Слышите? Все еще могут выиграть.

Бьет колокол на колокольне Кронаса.

– Что ж, урок окончен, – объявляет Сизиф. Он заглядывает в свои записи и спохватывается: – Совсем забыл: письменность! На вашей стадии будут всюду появляться разные тексты и писцы, которые будут записывать истории. Это многое изменит...

12. Энциклопедия: письменность

За 3000 лет до нашей эры все великие цивилизации Ближнего Востока уже обладали письменностью. Шумеры разрабатывают клинопись, их великая инновация – переход от рисунков, изображавших существ и предметы, к идеограммам, к символическим изображениям сначала мыслей, а потом звуков. Например, стрелка обозначает звук «ти» и вскоре начинает ассоциироваться с абстрактным понятием жизни. Эту систему позаимствуют хананеи, вавилоняне, хурриты.

К 2600 г. до н. э. шумеры уже применяют 600 значков, 150 из которых имеют абстрактное, а не описательное значение. Писцы наносят эти значки на таблички из сырой глины, которые сушат потом на солнце или в печи, чтобы те стали тверже. Такие записи используются при торговых обменах и в дипломатии; вскоре так начинают записывать религиозные и, наконец, поэтические тексты. Записанный этим способом эпос о царе Гильгамеше считается первым романом человечества.

Именно в Библосе были найдены самые древние символы современного алфавита, довольно близкие по начертанию к буквам современного иврита. На саркофаге царя Библоса Ахирама сохранились 22 согласные. Благодаря торговле и экспедициям этот алфавит распространился по всему Средиземноморью. Отметим, что первая буква древнееврейского алфавита «алеф» первоначально изображалась как голова коровы. Постепенно буква перевернулась и превратилась в нашу «А» с рогами, обращенными вниз.

Почему голова коровы? Потому, без сомнения, что в то время корова была главным источником энергии, она давала мясо, молоко, тянула повозку, позволявшую путешествовать, и плуг, которым пахали землю.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том V

13. Время городов. Крысы

Армия людей-крыс шла вперед. Молодые люди, шедшие в первых ее рядах, несли черные флаги с красными крысиными головами. В их армии появились лошади, специально обученные для войны и послушные любому движению всадника. Пехотинцы были вооружены луками, пращами.

К карательной экспедиции готовились загодя. Люди-крысы исповедовали культ мучеников и, главное, ненависть к женщинам-осам, издавна бросавшим им вызов.

Новый вождь людей-крыс разделался со всеми своими соперниками, объявив их шпионами, засланными женщинами-осами, и казнив. В племени постепенно многие стали верить тому, что причина победы амазонок – козни их тайных союзников в рядах самих людей-крыс. Сплоченность крысиной стаи зиждилась теперь на ненависти к женщинам-осам и на постоянной взаимной подозрительности.

Город женщин-ос тоже вырос и укрепился после последнего сражения. Высота окружавших его стен увеличилась от трех до пяти метров. Ворота обшили несколькими слоями досок. Амазонки вооружились облегченными мечами и научились мастерски ими орудовать. Когда дозорные сообщали о появлении на горизонте людей-крыс, звучали боевые трубы, созывавшие воительниц на защиту города.

Две армии выстраивались друг перед другом и ненадолго застывали в нерешительности. Сначала происходил обмен угрозами и оскорблениями на двух языках.

Амазонки готовились к отражению лобового удара. Каково же было их удивление, когда однажды по сигналу своего царя воины-крысы расступились и выпустили вперед совершенно голую толпу, безоружных – ни мечей, ни щитов – мужчин и женщин. Те ринулись вперед с пустыми руками, с ничего не выражающими лицами, с торчащими ребрами, изможденные, падающие с ног от голода. Их были многие тысячи. Настоящая армия призраков.

Женщинам-осам не оставили выбора. Их стрелы косили это угрюмое людское стадо. Когда все до одного несчастные были перебиты, амазонки уже начали уставать, их запас стрел оскудел. Их ужасало безразличие людей-крыс к человеческой жизни. Оно предвещало их собственную судьбу в случае поражения.

Внезапно из гущи людей-крыс вырвался отряд, защищенный толстыми щитами. Воины волокли длинное бревно с вырезанной на конце крысиной головой. Этим бревном они стали таранить главные ворота города.

Видя, что их стрелы теперь бессильны, амазонки стали метать камни, но они отлетали от щитов атакующих.

Одной женщине пришла вдруг идея опрокинуть на штурмующих кипятик из огромного супового котла. Ошпаренные люди-крысы бросили свой таран и отпрянули, вопя от боли. Но им на подмогу уже спешил новый отряд со щитами. Пока на огне поспевал новый котел с кипятиком, они успели выломать главные ворота.

Амазонки ждали кавалерийской атаки, но у людей-крыс был припасен для них еще один сюрприз. После голых рабов, чья задача сводилась к истощению вражеского запаса стрел, вперед были брошены дети, целая армия малорослых солдатиков 6–12 лет, с визгом швырявших камни и размахивавших факелами.

Этот ход придумал сам царь крыс. Он заметил, что женщинам трудно воевать с детьми, и сделал вывод, что даже у амазонок на них не поднимется рука. Что до самих детей-крыс, воспитанных на культе погибших героев и уничтожения врага, то они пытались доказать своим родителям, что способны жертвовать собой ради торжества нации. Подгоняемые взрослыми, дети кинулись на приступ.

Расчет царя крыс оказался верным. При виде детей амазонки дрогнули и стали промахиваться. Армия детей почти беспрепятственно хлынула в город и подожгла его с разных концов. Женщины-осы недооценили мощь пропаганды и ее влияние на неокрепшие умы.

Смятение достигло предела. Дома запылали и окутались едким дымом. Пришло время конницы: она ворвалась в горящий город. Женщины-осы метали во всадников дротики, но с каждой минутой все острее ощущался недостаток стрел. Началась рукопашная. Люди-крысы пустили в ход мечи из стали, нового металла, секрет которого они вырвали у одного из поверженных племен; женщины-осы отбивались бронзовыми мечами, а они были тяжелее и легко ломались. Даже превосходя неприятеля сноровкой, амазонки часто оказывались бессильны из-за несовершенства своего оружия.

На подмогу первому конному отряду прискакал второй, дети-крысы добивали лежавших на земле раненых женщин.

Раздался сигнал к контратаке. Женский конный отряд возглавила сама царица, и под ее командованием им удалось достигнуть временного успеха. Теперь женщины не колебались разить обезумевших малолеток, от которых понесли столько потерь.

Битва продолжалась уже несколько часов, а ее исход все еще оставался неясным. Там, где бой велся на расстоянии, верх одерживали амазонки, их стрелы били точнее крысиных копий, но там, где людям-крысам удавалось навязать им рукопашную, побеждали первые.

Короля крыс посетила догадка: «Чтобы разделаться с пчелами, достаточно пленить их матку. Здесь то же самое...» Он собрал самых доблестных своих баронов и отдал им соответствующий приказ.

Высмотреть царицу, обращавшуюся к своему войску, было нетрудно. Бароны поскакали к ней и без труда перебили ее охрану. Она осталась одна в окружении врагов, частокол их копий не давал амазонкам шансов ее вызволить.

– Она нужна мне живой! – крикнул царь крыс.

Царица держала неприятеля на расстоянии, ее конь то и дело вставал на дыбы, она грозно размахивала мечом, отбивая направленные на нее копья. Ее длинные волосы взлетали в воздух, среди людей-крыс, дерзавших к ней приблизиться, она сеяла смерть. Видя это, крысиный царь сам выбил ее копьём из седла, и они покатались по земле.

Амазонка вцепилась ногтями ему в лицо, оставляя глубокие раны. Он сумел перевернуть ее на живот и связать ей руки за спиной бычьей жилой. После этого он придавил ее к земле коленями, она вывернулась и укусила его за ногу, но он, не обращая внимания на боль, заставил женщину-осу встать. Один из баронов дал своему царю кинжал, тот приставил его к горлу царицы и крикнул:

– Сдавайтесь, или я ее убью!

Амазонки заколебались, но любовь к своей царице заставила большинство прекратить бой. Постепенно все они сложили оружие. Люди-крысы издали победный крик.

Детей-крыс, пытавшихся воспользоваться победой, чтобы продолжить убивать, быстро усмирили. Пленных амазонок заковали в цепи и погнали длинной вереницей в город людей-крыс. Женщины-крысы поздравляли своих воинов с победой, выстроившись по обеим сторонам дороги. Они оплакивали своих погибших и плевали в пленниц, красавиц в тонких одеяниях, с длинными чистыми волосами. Некоторые женщины-крысы даже подходили и трогали их волосы, чтобы понять, почему они такие длинные и так блестят, не то что их собственные жирные нечесанные лохмы. Они обнюхивали пленниц, удивляясь, что их кожа пахнет цветами, что не мешало им кривиться и награждать побежденных новыми плевками.

Но самой великолепной среди пленниц была, без сомнения, та, что шла со связанными руками за лошадью вождя. Хотя ее шевелюра цвета черного дерева была густо припорошена пылью, она высоко держала голову, расправляла плечи, всем своим видом выражала высокомерие, заставляя недоумевать женщин-крыс, рабски подчиненных своим мужчинам.

Солдаты нахлестывали пойманных лошадей, грузили на подводы захваченную в городе амазонок добычу. Отовсюду доносились гневные крики, женщины-крысы громко требовали казнить царицу амазонок.

Царь подошел к своей пленнице с зажатым в кулаке кинжалом. Его племя взревело и тут же притихло. Но вместо того чтобы нанести удар, царь лизнул ее, как кусок мяса, который вознамерился сожрать. Его воины покатались со смеху, царицу же чуть не стошнило от омерзения. Все ждали развязки.

Но царь преспокойно развязал вражеской царице руки.

Все застыли, проглотив языки.

Царица попыталась его ударить, но он без труда ее усмирил и, как она ни уворачивалась, сумел ее поцеловать.

Вопли женщин свидетельствовали о том, что их ненависть к пленнице выросла стократно.

Царь пригрозил им мечом, давая понять, что правила диктует он один и что не каким-то бабам указывать ему, как поступать с пленницами, что с царицами, что с ее войском. Потом он предложил лучшим своим воинам выбрать себе приглянувшихся амазонок. Женщины-крысы уже не осмеливались возмущаться, хотя в этой конкуренции у них заведомо не было шансов.

Царь крыс заговорил: теперь в их распоряжении, сообщил он, большой город за толстой стеной, селитесь там. До этих пор люди-крысы были скорее кочевниками, их вел путь войны, и довольствоваться им приходилось ночевками на временных стойбищах. По словам их царя, ему приснилось, что теперь у них будет своя столица.

Царь крыс взял в жены царицу амазонок, исполнив свой крысиный ритуал. Затем он приказал воздвигнуть статую в свою честь: он на коне, а подле него на земле простерлась униженная амазонка. Это был первый крысиный памятник. Женщины-осы, уставшие воевать, постепенно встроились в общество крыс и стали учить своих мужчин ткачеству и элементарной чистоплотности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.